Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 9–22
Lomonosov Philology Journal, 2026, no. 5, pp. 9–22

СТАТЬИ. ЛИНГВИСТИКА

СЛОВАРИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ НАЧАЛА XX в. КАК ОТРАЖЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

О.А. Волошина

Совместный университет МГУ-ППИ, Китай, Шэньчжень; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; oxanav2005@mail.ru

***Аннотация*:** В статье рассматриваются словари лингвистических терминов первой половины XX в., а именно *Грамматический словарь* Н.Н. Дурново (1924 г.), *Словарь лингвистических и литературоведческих терминов* Е.Д. Поливанова (1935–1938 гг.) и неопубликованный проект «Об организации издания "*Лингвистической энциклопедии*" (докладная записка)» Р.О. Шор (начало 30-х годов). Задачей статьи является сопоставительный анализ выбранных словарей, которые демонстрируют основные направления развития отечественной науки о языке: словарь Н.Н. Дурново отражает понятийно-терминологическую базу формальной фортунатовской школы, словарь Е.Д. Поливанова представляет становление терминосистемы фонологии, а проект словаря Р.О. Шор вводит термины положений марксистского учения о языке (с опорой на идеолога классового подхода к описанию языка Н.Я. Марра).

В начале XX века полифония разных направлений развития знаний о языке наблюдалась не только в рамках традиционного языкознания (сравнительно-исторического индоевропейского языкознания), но также в отечественной лингвистике, а именно: складывалась формальная (грамматическая) школа Ф.Ф. Фортунатова и учение о фонеме И.А. Бодуэна де Куртенэ, велась борьба нового «марксистского» языкознания со «старой» академической наукой о языке. Задача создания терминологических словарей оказалась особенно актуальной во время смены научной парадигмы, в период формирования новых направлений в науке.

Анализ словарей лингвистической терминологии начала XX века позволяет продемонстрировать направления развития отечественной науки о языке, предопределившие образование новых лингвистических школ, вектор развития отечественной лингвистики XX века. Кроме того, словник и дефиниции лингвистических терминов конкретного словаря дают возможность представить научный идиолект автора-составителя этого словаря.

© Волошина О.А., 2026

***Ключевые слова*:** словари лингвистических терминов; понятийно-терминологическая база; научное направление; формальная грамматическая школа; фонология

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-1

***Для цитирования*:** *Волошина О.А.* Словари лингвистических терминов начала XX в. как отражение направлений развития отечественной науки о языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 9–22.

DICTIONARIES OF LINGUISTIC TERMS OF THE EARLY 20th CENTURY AS A REFLECTION OF THE DIRECTIONS OF DEVELOPMENT IN THE NATIONAL SCIENCE OF LANGUAGE

Oxana A. Voloshina

Shenzhen MSU-BIT University, China, Shenzhen; Lomonosov Moscow State University; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; oxanav2005@mail.ru

Abstract: The article examines dictionaries of linguistic terms of the first half of the 20th century, namely the Grammatical Dictionary of N.N. Durnovo (1924), the Dictionary of Linguistic and Literary Terms by E.D. Polivanov (1935–1938) and the unpublished project "On the Organization of the Publication of the Linguistic Encyclopedia (Memorandum)" by R.O. Shor (early 30s). The purpose of the article is a comparative analysis of selected dictionaries that demonstrate the main directions of the development of Russian language science: N.N. Durnovo's dictionary reflects the conceptual and terminological base of the formal Fortunatov school, E.D. Polivanov's dictionary represents the formation of the terminological system of the phonological school, and R.O. Shor's dictionary project introduces the terms of the provisions of the Marxist doctrine of language (based on the ideologist of the class approach to the description of language, N.J. Marr).

At the beginning of the 20th century, the polyphony of different directions in the development of language knowledge was observed not only within the framework of traditional linguistics (comparative Indo-European linguistics or the school of formal grammar), but phonological schools were formed within the framework of Russian linguistics, and a fierce struggle was waged between the new Marxist linguistics and the "old" academic science of language. The task of creating terminological dictionaries turned out to be especially relevant during the change of the scientific paradigm, and during the formation of new directions in science.

The analysis of dictionaries of linguistic terminology of the early 20th century allows us to demonstrate the directions of development in the national science of language, which predetermined the formation of linguistic schools, the vector of scientific development of the 20th-century national linguistics. In addition, the list and definitions of linguistic terms of a particular dictionary allow us to present the scientific idiolect of the author of this dictionary.

Keywords: dictionaries of linguistic terms; conceptual and terminological base; scientific direction; formal grammar school; phonology

***For citation*:** Voloshina O.A. (2026) Dictionaries of Linguistic Terms of the Early 20th Century as a Reflection of the Directions of Development in the National Science of Language. *Lomonosov Philology Journal,* no. 5, pp. 9–22.

Словарь лингвистических терминов, составленный конкретным автором или коллективом авторов, отражает понятийно-терминологическую систему представляемого создателями словаря научного направления [Волошина 2026: 43]. Сопоставительный анализ словарей лингвистических терминов первой половины XX века не только позволяет проследить этапы развития науки о языке, смену научной парадигмы, но и демонстрирует возможности переосмысления понятийного содержания старых терминов в контексте новых терминосистем, задающих пути развития науки. Задачей статьи является сравнение фрагментов понятийно-терминологических систем, представленных в отечественных словарях лингвистических терминов первой половины XX в.

Предлагаемый обзор не претендует, конечно, на полноту, материал выбранных словарей приводится в разном объеме, отбор словарей позволяет представить концепцию научной школы или «синхронного» среза в развитии отечественной науки о языке. Для анализа развития научной теории в трудах отечественных лингвистов первой трети XX в. были выбраны «Грамматический словарь» Н.Н. Дурново (1924), «Словарь лингвистических и литературоведческих терминов» Е.Д. Поливанова (1935–1938 гг. — архивная публикация 1991 года), а также неопубликованный проект «Об организации издания “Лингвистической энциклопедии” (докладная записка)» Р.О. Шор (начало 30-х годов).

Словарь лингвистической терминологии решает задачу унификации понятийно-терминологического аппарата на определенном этапе развития научного знания. Научная терминология время от времени подвергается ревизии специалистов, пытающихся выстроить более-менее стройную систему понятийно-терминологического аппарата, соответствующего современной науке. Особенно актуальна задача составления новых терминологических словарей во время смены научной парадигмы, становления нового направления в науке. Формирующаяся терминосистема либо отвергает старые термины как не соответствующие новым научным понятиям, либо организует и структурирует эти термины, пытаясь найти место каждому понятию в жесткой понятийно-терминологической системе.

В начале XX века на смену старым научным теориям, в частности сравнительно-историческому языкознанию, пришла новая лингвистика, то есть произошла теоретическая и методологическая переориентация науки о языке, что потребовало, разумеется, ревизии старой терминологии и формирования нового понятийно-терминологического аппарата. В этом контексте насущной задачей стало создание словаря лингвистических терминов — такие словари были разработаны, в частности, Н.Н. Дурново и Е.Д. Поливановым[1]. Сопоставление этих словарей показывает разные пути развития отечественной науки, кроме того, принципы составления словаря лингвистических терминов, а именно отбор лексем для словника (перечень терминов) и формулировки дефиниций, демонстрируют идиолект конкретного ученого — составителя словаря[2].

«Грамматический словарь: грамматические и лингвистические термины» Н.Н. Дурново (1924)[3] отражает понятийно-терминологическую базу формальной школы отечественного языкознания, основы которой были заложены в лекционных курсах и публикациях Ф.Ф. Фортунатова. Подзаголовок словаря противопоставляет *грамматические* и *лингвистические термины*, то есть собственно *грамматические* (термины формальной школы) и все остальные — *лингвистические* (а именно общелингвистические, например фонетические) термины, что подчеркивает важнейшую роль формирования *грамматики* как «учения о формах языка» [Дурново 1924: 137], в рамках которого представлены *морфология* — «учение о формах отдельных слов» [Дурново 1924: 64] и *синтаксис* — «отдел грамматики, содержащий учение о формах словосочетаний» [Дурново 1924: 101]. Понятие *грамматической формы слова* оказывается центральным для формирования нового формального направления в отечественном языкознании.

---

[1] Над словарем лингвистических и литературоведческих терминов Поливанов работал в 1935–1938 гг., однако этот текст остался неопубликованным и увидел свет лишь в 1991 году.

[2] Чрезвычайно интересной задачей, на наш взгляд, является лексикографическое описание языковой личности выдающихся ученых, таких как Ф.Ф. Фортунатов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н. Крушевский, Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба и др., потому что анализ лексики и стилистики их научных сочинений позволяет говорить о личном вкладе этих ученых в развитие языка науки, а также об особенностях становления авторского стиля. Литературоведы исследуют язык писателей и поэтов, анализируют ключевые слова, композиционные особенности и т. п. художественных произведений, но не менее интересным оказывается лингвистический и стилистический анализ научных текстов отечественных ученых. В частности, особого внимания заслуживает научная метафора в их сочинениях.

[3] Впервые словарь увидел свет в 1924 г., в 2001 г. был переиздан под редакцией О.В. Никитина.

Очевидно, в словаре Н.Н. Дурново важнейшим для понятийно-терминологической системы формальной школы является термин *форма* (*грамматическая*), на котором последовательно выстраиваются производные термины, называющие важные понятия формальной школы: *формальное значение, формальная грамматика, формальная школа* и др. [Дурново 1924: 133–138].

Н.Н. Дурново приводит дефиницию понятия *грамматической формы*, цитируя Ф.Ф. Фортунатова: «Фортунатов определяет грамматическую форму отдельных слов как "способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основ́ную принадлежность слова"… При этом основная и формальная принадлежности могут выделяться в отдельном слове, и, таким образом, самое слово может сознаваться как имеющее форму только в том случае, если та же основ́ная принадлежность с тем же значением имеется и в других словах с другими формальными принадлежностями, и та же формальная принадлежность с тем же формальным значением имеется и в других словах с другими основ́ными принадлежностями» [Дурново 1924: 116]. Иными словами, вычленение формальных показателей основывается на повторяемости элементов (морфем), несущих определенное значение: лексическое значение корня (основы) и грамматическое значение флексии. Например, ***паш****у, **паш**ем, **паш**ет* и т. п., где ***паш***- — основ́ная принадлежность, а *-у, -ем, -ет* — формальная.

На понятии формы слова основано описание в словаре частей речи как грамматических классов слов. Поскольку традиционная грамматика выделяет части речи на основании смешанных критериев — грамматических и неграмматических, — последователи Ф.Ф. Фортунатова предлагают противопоставлять собственно части речи и грамматические классы слов, что нашло отражение в словаре Н.Н. Дурново. Так, *грамматический класс* — это набор слов, «объединенных общими грамматическими признаками» [Дурново 1924: 39], поэтому «в тесном смысле глаголом называется только грамматическая категория спрягаемых слов» [Дурново 1924: 28]. Аналогично «*имя* — в грамматике — склоняемое слово, то есть слово, изменяющееся по падежам» [Дурново 1924: 49], или *прилагательное* — «слово, имеющее формы согласования в роде, числе и падеже, и обозначающее признак предмета, обозначенного тем существительным, с которым оно согласовано» [Дурново 1924: 91]. Однако с учетом не только грамматических, но и семантических критериев, к глаголу, например, принято относить неспрягаемые формы глагола (инфинитивы, причастия и деепричастия), то есть слова, которые обозначают глагольные признаки и «сохраняют управление глагола», например, *люблю книгу, любить книгу, любящий*

книгу, но *любитель книги, любовь к книге* и пр. [Дурново 1924: 29]. Тогда как *глагольные слова* Дурново (со ссылкой на Фортунатова) определяет как «слова, которые обозначают глагольные признаки, то есть признаки, представляемые в их изменениях во времени, иными словами, действия и состояния, или вещи, как вместилища таких признаков», например *хождение, носитель* и др. [Дурново 1924: 30].

Грамматические термины в словаре систематизированы, тогда как лингвистические (термины других разделов науки о языке, например фонетические; или термины сравнительно-исторического языкознания: *родство языков, праязык, фонетический закон* и др.) плохо структурированы, представлены многочисленными синонимами, дефиниции которых встречаются в разных частях словаря. Так, термин *щелевые согласные* имеет синонимичные обозначения: *фрикативные, спиранты* и *проточные согласные*.

Лингвистические термины в словаре оцениваются в контексте предшествующей научной парадигмы (компаративистики), их место в понятийной структуре новой формальной школы пока еще не определено (фонология лишь формировалась в рамках фонологической отечественной школы), поэтому, в частности, фонетике Н.Н. Дурново дает следующее определение «*Фонетика* — учение о звуковом составе отдельных языков и о фонетических изменениях звуков в истории этих языков» [Дурново 1924: 121]. Дурново не может обойти важный для лингвистики начала XX века термин *фонема*, но, как и другие представители фортунатовской школы, не принимает представление о фонеме как *психическом эквиваленте звука*. Н.Н. Дурново пишет: «*Фонема* — термин, употребляемый некоторыми учеными, между прочим Бодуэном де Куртенэ и др., в значении представления звука речи как психического эквивалента произносимого звука… Представляя некоторые удобства в тех случаях, когда приходится иметь дело с психическими факторами звуковых явлений, понятие *Фонемы* неприменимо к явлениям в области звуков, вызванным акустическими и физиологическими причинами» [Дурново 1924: 121].

Формальная школа, сделавшая акцент на исследовании формы языковых единиц, не могла выдвинуть понятийной базы для описания семантики, поэтому в словаре Н.Н. Дурново *семасиология* — «учение о значениях слов независимо от способов звукового выражения этих значений», как отмечает автор, «принадлежит к числу наименее разработанных отделов науки о языке» [Дурново 1924: 101].

Очевидно, что акцент в словаре сделан на терминах, формирующих понятийную базу фортунатовской формальной школы, тогда как концепции других ученых, несомненно, автору известные, представлены фрагментарно, часто в критическом ключе.

«Словарь лингвистических и литературоведческих терминов» Е.Д. Поливанова базировался на иных теоретических принципах и методах исследования языка, разработанных петербургской (ленинградской) школой отечественной лингвистики (направление науки о языке, заложенное И.А. Бодуэном де Куртенэ и развиваемое его учениками — представителями казанской школы, Л.В. Щербой, Е.Д. Поливановым и др.).

Анализ словника показывает, что автор стремится выстроить четкую понятийно-терминологическую базу современной ему науки, редко включает в словарь термины, отражающие понятия и методы классического сравнительно-исторического языкознания, но преимущественно опирается на самую передовую область современной лингвистики — фонетику (причем наряду с фонетическими терминами в словаре уже в полной мере находит отражение представление о фонеме, сформулированное учителем Е.Д. Поливанова И.А. Бодуэном де Куртенэ).

Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ считал важнейшей задачей структурирование терминологии в строгом соответствии с научными понятиями. Терминологический хаос и смешение научных понятий он признавал страшной бедой науки[4] и выступал за ревизию терминологии, предлагая отказываться от неудачных терминов[5] и вводить новые, необходимые для упорядочения научной теории и дальнейшего ее развития. Так, Бодуэн описывает состав языкознания как науки, в рамках которой выделяются самостоятельные области, —

[4] «К сожалению, благодаря своеобразному усердию средних школ, головы их признанных "зрелыми" воспитанников засорены по части языковедения таким якобы научным хламом, что прежде, чем вводить в эти головы "здравую научную пищу", приходится первым долгом произвести их основательную очистку и дезинфекцию от всего этого сора, накопившегося в них в течение восьмилетнего обучения» [Бодуэн де Куртенэ 2010: 5]. Или: «Вообще же польза от грамматических учебников разных языков, изучаемых в средних школах, не только нулевая, но даже просто отрицательная, со знаком — /минус/» [Бодуэн де Куртенэ 2010: 40].

[5] Некоторые термины Бодуэн считает неудачными, так как, по его мнению, они называют не реально существующие лингвистические объекты, а фиктивные, что приводит к неточности употребления терминов и понятийно-терминологической путанице. Так, он пишет: «*Звук языка*, как его действительный элемент, есть чистейшая фикция, ученое измышление, возникшее благодаря смешению понятий и постановке мгновенно появляющегося, преходящего вместо постоянно существующего. Существует и беспрерывно продолжается в индивидуальной психике представление звуковой единицы, называемой обыкновенно "*звуком языка*". Произнесение звука, сопряженные с этим мускульные ощущения, равно как и являющееся результатом произнесения акустическое впечатление есть не что иное, как знак того, что в нашей психике существует соответствующее звуковое представление. Это постоянно в нашей психике существующее представление "*звука*", т. е. одновременного сложного комплекса произносительных работ и получаемых от этого впечатлений, мы будем называть *фонемою*» [Бодуэн де Куртенэ 2010: 13].

эта классификация представляет лингвистику как стройную дисциплину, каждый раздел которой имеет свою задачу и работает на определенном языковом материале точными научными методами [Бодуэн де Куртенэ 1963: 47–77].

Как известно, именно Бодуэн ввел в научный обиход предложенный Н. Крушевским термин *фонема*, заложив основы фонологии как новой лингвистической дисциплины. Бодуэн активно выступал за принятие термина *морфема* и *морфология* (вместо термина *этимология*, за которым предлагал закрепить другое значение[6]), что позволяло противопоставить статический (*морфология*) и динамический (*этимология*) аспект изучения слова[7], и за упорядочение терминов, обозначающих типы аффиксов (в частности, предлагал вместо термина *суффикс*[8] ввести термин *постфикс*, наряду с уже имеющимся термином *префикс*) и т. п.

Будучи учеником И.А. Бодуэна де Куртенэ, Е.Д. Поливанов продолжает деятельность своего учителя по систематизации научной терминологии. Не удивительно, что Поливанов часто ссылается на Бодуэна, когда определяет введенный учителем термин или приводит мнение Бодуэна об уже принятых наукой терминах[9]. Например, «*Акусма* — интернациональный общелингвистический (общефонетический)[10] термин из "психофонетической" терминоло-

---

[6] В «Пробной программе лекций в 1877–78 уч. году» (1978) Бодуэн предлагал противопоставлять «принцип морфологический (статическо-морфологический)» и «принцип этимологический (динамическо-морфологический»)» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 113].

[7] В конце XIX века *этимологией* традиционно в грамматиках назывался раздел, посвященный описанию типов склонения существительных и спряжения глаголов (еще у Боппа формы спряжения глагола рассматривались с точки зрения происхождения от двух типов корней). Однако этот раздел грамматики, как правило, вовсе не претендовал на изложение истории возникновения форм, а фиксировал состояние грамматических форм определенного времени, то есть это был статический аспект, для которого Бодуэн и предложил термин *морфология*. *Этимологией* же стали называть дисциплину, задачей которой являлось установление первоначальной формы и исконного значения слова (именно в этом значении термин используется в названии специальных этимологических словарей).

[8] Термин *аффикс* (от лат. *affixus — прикрепленный, фиксированный*) используется для обозначения некорневой морфемы, положение которой фиксировано относительно корня: так, *префикс* (от лат. *praefixum прикрепленный перед*), *постфикс* (от лат. *postfixum прикрепленный после*), а суффикс (от лат. *suffixus прикрепленный снизу, подставленный*), по мнению Бодуэна, назван неудачно, т.к. не очень понятно, как понимать эту позицию аффикса в линейном расположении морфем.

[9] Так, в статье «Мягкие и твердые согласные» Поливанов пишет: «На ненаучность этих терминов давно уже (и неоднократно) указывал И.А. Бодуэн де Куртенэ — спрашивая, например: "А кто их (согласные звуки) щупал — твердые они или мягкие?"» [Поливанов 1991: 385].

[10] Поливанов указывал на сферу применения термина, на широту его употребления и на его происхождение: например, *морфология* — интернациональный

гии русско-польского ученого, покойного профессора И.А. Бодуэна де Куртенэ (в ряду других, им созданных или предложенных терминов: *фонема — кинема — акусма — кинакема — морфема — графема — синтагма*, каковые ныне акцептированы и вводятся в международное употребление современной "фонологической" школой). Термин *акусма* произведен от греческого глагола ακούω *слышу* — с греческим же окончанием -μα, которое и в термине *фонема* и *кинема*, и *графема*, и *синтагма* и т. д. Акусма означает: акустический (слуховой) момент фонемы, повторяющейся и в других фонемах: например, в фонеме /b/ — акусмой, общей с фонемами/d/,/g/,/z/ и т. п., является акусма звонкости, т. е. акустическое (слуховое) представление того эффекта, который получается (воспринимается ухом) от дрожания голосовых связок при произнесении этих согласных... Само же по себе дрожание голосовых связок, участвующее в произнесении (артикуляции) фонем как физиологическая работа (а не как акустический эффект ее) — составляют уже не *акусму*, а *кинему* (от греч. κινέω двигаю)...» [Поливанов 1991: 325].

Затем перечисляются акусмы фонемы/b/: «1) акусма звонкости (голосового тона), общая (у фонемы /b/) с фонемами /d/,/g/,/z/ и пр. 2) акусма губного взрыва, общая у фонемы /b/ с фонемой /p/ [Поливанов 1991: 325]. Далее Поливанов объединяет акусмы и кинемы фонемы /b/ в кинкемы, которые в терминологии Н.С. Трубецкого называются *дифференциальными признаками фонемы*. Очевидно, что Поливанов выступает как ученик и последователь фонологии Бодуэна де Куртенэ, придерживаясь введенного основоположником фонологии понятийно-терминологического аппарата новой науки.

К сожалению, словарной статьи *фонема* в словаре нет, но взгляды Поливанова на фонему сформулированы в статье *Психофонетика*, ведь именно так, вслед за Бодуэном, он называет фонологию. «*Психофонетика* — слово это употреблялось, главным образом, самим создателем его, а вместе с этим и основателем психофонетики (как особого отдела и направления лингвистики) покойным И.А. Бодуэном де Куртенэ, а также некоторыми его учениками (ср., например, заглавие книги Е. Поливанова 1917 г. «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами»); происходит от сочетания гре-

общенаучный и философский термин [Поливанов 1991: 384], *палатализация* — международный общефонетический термин [Поливанов 1991: 404], *склонение* — русский грамматический (и общеморфологический) термин [Поливанов 1991: 422], *резонатор* — фонетический (акустический) термин латинского происхождения [Поливанов 1991: 415], *полногласие* — термин сравнительной грамматики славянских языков и русской грамматики [Поливанов 1991: 408], *пневмограф* — интернациональный термин: название прибора экспериментальной фонетики [Поливанов 1991: 407], *уранический* — яфетидологический термин, изобретенный Н.Я. Марром [Поливанов 1991: 442] и т. п.

ческой основы φυχή (*душа*; в композициональном виде — *психо-*) и термина *фонетика* (см.). В отличие от *антропофоники* (см.), т. е. той части фонетики, которая имеет в виду физиологический и физический состав произносительной деятельности человека, *психофонетика* рассматривает звуки языка с точки зрения их функциональной (символической) используемости в данном языке (для смыслоразличения) и, таким образом, в основу фонетического описания языка кладет не физиологические и физические (= акустические) преходящие факты, но систему постоянно существующих представлений дифференцируемых друг от друга звуков языка (или элементов фонетической системы), которые носят у Бодуэна де Куртенэ наименование *фонемы*» [Поливанов 1991: 414]. Таким образом, термин *психофонетика*[11] у Поливанова является синонимом современному термину фонология.

Как уже было сказано, Поливанов стремился унифицировать термины, называющие типы аффиксальных морфем, в частности, предложил общее родовое определение некорневой морфемы: *аффикс* — «общелингвистический (морфологический) международный термин латинского происхождения (наравне, т. е. в том же терминологическом ряду, что и *суффикс*, *префикс*, *инфикс*[12])» [Поливанов 1991: 145]. Однако среди перечисленных типов аффиксов в словаре есть только *инфикс*, а словарных статей *префикс* и *суффикс* нет.

Е.Д. Поливанов включил в словарь новые термины, которым, как он ожидал, предстояло сыграть важную роль в развитии науки. На-

[11] Если мы проследим употребление этого термина в современных научных текстах, то увидим совсем другое его понимание, в частности, этот термин может использоваться как синоним *фоносемантики* — раздела современной психолингвистики, например, в работе А.П. Супрун «Психофонетический анализ текста» (2011).

[12] В словарной статье часто содержится как этимология термина, так и его значение в современной терминосистеме, причем, сообщая этимологию термина, Поливанов приводит параллели из родственных языков, что помогает понять значение термина. Например,

"**Инфикс**. 1. ***Этимология термина***. Слово *инфикс* — международный лингвистический общеморфологический термин латинского происхождения:

1) из латинского предлога-приставки *in*; (***Примечание***. Латинский предлог-приставка (которую не следует смешивать с отрицанием *in-* = *не-*) является прямым этимологическим соответствием (т. е. генетически родственной морфемой) к русскому предлогу-приставке *в/во*).

2) из причастия fixum (от глагола fingere) — того же самого, что и в этимологическом составе терминов *аффикс, суффикс, префикс* (см.).

Таким образом, если не буквальным, то точным переводом латинского infixum может служить по-русски слово «вставка».

2. ***Реальное значение термина***. Под *инфиксом* (в отличие от *суффикса* и *префикса*) понимается служебная морфема, помещаемая не сзади, как суффикс, и не спереди, как префикс, а внутри коренной морфемы» [Поливанов 1991: 370].

пример, «*Морфонема* — новый термин, предложенный в 1930 г. на международной фонологической конференции, как один из элементов фонологической терминологии еще не получил более или менее широкого распространения… Составлен этот термин путем механического соединения терминов *Фонема* и *Морф/ема*» [Поливанов 1991: 385].

Иногда Е.Д. Поливанов приводил собственные (авторские термины): например, «*Звуковые жесты* — термин, введенный в употребление Е.Д. Поливановым (в статье "Звуковые жесты японского языка") для обозначения так называемых *ономатопоэтических слов* (см.). Возможно, впрочем, что данное выражение (З.Ж.) могло возникнуть и у какого-либо другого автора — ввиду естественности содержащейся в нем метафоры» [Поливанов 1991: 365].

Увлечение И.А. Бодуэна де Куртенэ экспериментальной фонетикой, стремление создавать при университетах лаборатории изучения звучащей речи, комплектовать эти лаборатории новейшими приборами проявилось и в словаре Е.Д. Поливанова, словарные статьи которого описывают приборы экспериментальной фонетики. Например, «*Кимограф* — интернациональный термин экспериментальной фонетики, название прибора (аппарата)... Происходит (искусственно создан в XIX в.) из двух греческих слов: *το κύμα = волна* и *γράφω = пишу* (основа *γράφ- → граф- писать*)... Кимограф — это прибор (машина) для точной записи (в виде кривых линий, вычерчиваемых механически, особым пером, на закопченной бумаге, обтянутой вокруг вращающегося цилиндра) быстро протекающих явлений, в частности, напр., дрожаний воздуха при звуках (различной высоты и силы), движений произносительных органов при произнесении звуков и звукокомплексов. Это — основной (первостепенно необходимый) прибор всякой экспериментально-фонетической лаборатории» [Поливанов 1991: 372].

Мы видим, что словарь Е.Д. Поливанова отразил развитие отечественной лингвистики и литературоведения 30-х годов XX века, явился своеобразным памятником новой науки, оставившей позади достижения индоевропейского сравнительно-исторического языкознания и стремившейся выстроить новую научную теорию с опорой на экспериментальную фонетику, с учетом психологических и социальных факторов в развитии и функционировании языка.

Поставив задачу создания универсального словаря лингвистической терминологии современного ему этапа развития языка, Поливанов включил в словарь как термины новых школ и направлений (например, фонологии И.А. Бодуэна де Куртенэ или «*нового учения об языке*» акад. Н.Я. Марра), так и термины классического (сравнительно-исторического) языкознания. Однако словарь представляет

собой не эклектичное, а четко структурированное описание языка, в частности унификацию фонетической и грамматической терминологии.

Задача систематизации и обобщенного описания лингвистических понятий в словарях лингвистических терминов была настолько важной, что не только Н.Н. Дурново и Е.Д. Поливанов предлагали варианты решения этой проблемы. Интересен проект создания «Лингвистической энциклопедии», выдвинутый в начале 1930-х годов Р.О. Шор, но оставшийся нереализованным и неопубликованным (находится в Архиве РАН).

Необходимость создания словаря терминов, по мнению Шор, заключалась не только в том, что старая научная терминология нуждалась в пересмотре и упорядочении, но и в острой потребности описания понятий формирующегося марксистского языкознания — кардинально нового научного направления. Классическое языкознание предлагалось очистить от ошибочных идеалистических представлений буржуазной лингвистики, а также от формализма отечественного языкознания, представленного, по мнению Р.О. Шор, в словаре Н.Н. Дурново. Задача формулировки и популяризации положений марксистского учения о языке (с опорой на труды Н.Я. Марра — идеолога классового подхода к описанию языка) могла быть решена созданием нового словаря терминов.

В части словаря, описывающего современное состояние советской и мировой лингвистики, Шор предлагала дать характеристику основным направлениям в науке «в прошлом и настоящем, вскрывая их классовую направленность /империалистические, националистические установки/ и под этим углом зрения переоценивая построения буржуазных ученых» [Цит. по: Никитин 2018: 619]. Перечень предполагаемых словарных статей показывает эклектику в описании вектора развития науки, ведь некоторые статьи в бóльшей или меньшей степени базируются на достижениях классической компаративистики, классифицирующей языки по семьям и описывающей общие принципы развития родственных языков: *Индоевропеистика*, *Угрофиноведение*, *Семитология*, а статья *Яфетидология* должна была представлять учение Марра, не опиравшееся на методику сравнительно-исторического языкознания, но предлагавшее другой принцип классификации языков и объяснение языкового развития [Цит. по: Никитин 2018: 619].

Словарные статьи, построенные на разных теоретических принципах, неизбежно привели бы к эклектике и путанице, и задача составления единого непротиворечивого понятийно-терминологического фундамента нового советского языкознания не была бы достигнута. Даже классическая наука о языке была представлена

разными направлениями — старыми и новыми, а тем более сложно описать понятийный аппарат нового учения о языке, возникшего в результате механического переноса принципов работы социальных законов на почву языкознания.

Таким образом, в первой половине XX в. трудами отечественных ученых были составлены словари лингвистических терминов, которые отразили многовекторность развития науки в период смены научной парадигмы. По мере развития лингвистики складывался новый понятийно-терминологический аппарат: старые термины выходили из употребления или переосмыслялись в новой системе научного знания, создавались термины или терминосистемы, отражающие новые понятия формирующихся научных направлений. В этом контексте сознательная терминологическая деятельность, направленная на ревизию старой понятийно-терминологической системы и создание новой, становится важной задачей ученого сообщества. Словарь лингвистических терминов, зафиксировавший систему научных понятий, можно рассматривать как «моментальный снимок» научной теории, запечатлевший этап непрерывного развития науки о языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Избранные труды по общему языкознанию. Т 1. М., 1963. С. 47–77.
2. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Введение в языковедение. Изд. 7-е. М. URSS. 2010. 224 с.
3. *Волошина О.А.* Два этюда о лингвистической деятельности Е. Д. Поливанова (к 130-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. М. Издательство ООО «Наш язык». № 6. 2021. С. 92–101.
4. *Волошина О.А.* Словарь лингвистических терминов как лексикографический памятник истории языкознания // Ученые записки Петрозаводского государственного университета, Издательство Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск. 2026. Т. 48, № 5. С. 43–49.
5. *Дурново Н.Н.* Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). Издательство Л.Д. Френкель. Москва /Петроград, 1924. 154 с.
6. *Никитин О.В.* Лингвистическая энциклопедия — неизвестный лексикографический проект 1930-х годов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 9. № 3. 2018. С. 612–624.
7. *Поливанов Е.Д.* Словарь лингвистических и литературоведческих терминов (1935-1937). Архивная публикация // Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991. С. 318–507.

REFERENCES

1. Boduen de Kurtene I.A. Nekotorye obshchie zamechaniya o yazykovedenii i yazyke [Some general remarks about linguistics and language] // *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu*. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. 1963. P. 47–77. (In Russ.)

2. Boduen de Kurtene I.A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Izd. 7-e. Moscow, URSS. 2010. 224 p. (In Russ.)
3. Voloshina O.A. Dva etyuda o lingvisticheskoi deyatel'nosti E.D. Polivanova (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya) [Two studies on the linguistic activity of E.D. Polivanov (dedicated to the 130th anniversary of his birth)] // *Russkii yazyk v shkole*. Moscow, Izdatel'stvo OOO "Nash yazyk". № 6. 2021. P. 92–101. (In Russ.)
4. Voloshina O.A. Slovar' lingvisticheskikh terminov kak leksikograficheskii pamyatnik istorii yazykoznaniya // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2026. Vol. 48, № 5. P. 43–49. (In Russ.)
5. Durnovo N.N. *Grammaticheskii slovar' (grammaticheskie i lingvisticheskie terminy)* [Grammatical dictionary (grammatical and linguistic terms)]. Moskva, Petrograd, Izdatel'stvo L.D. Frenkel'. 1924. 154 p. (In Russ.)
6. Nikitin O.V. Lingvisticheskaya enciklopediya — neizvestnyi leksikograficheskii proekt 1930-kh godov [Linguistic Encyclopedia — an unknown lexicographic project of the 1930s] // *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. V. 9. № 3. 2018. P. 612–624. (In Russ.)
7. Polivanov E.D. Slovar' lingvisticheskikh i literaturovedcheskikh terminov (1935–1937). Arkhivnaya publikaciya [Dictionary of Linguistic and literary terms (1935-1937). Archival publication] // Polivanov E.D. *Trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaniyu* [Proceedings on Oriental and general linguistics]. Moscow, Nauka, 1991. P. 318–507. (In Russ.)

Поступила в редакцию 17.03.2025
Отредактирована 22.08.2026
Принята к публикации 31.08.2026

Received 17.03.2025
Revised 22.08.2026
Accepted 31.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Оксана Анатольевна Волошина — к.ф.н., доцент, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; доцент филологического факультета МГУ-ППИ в Шэньчжене, доцент Института лингвистики РГГУ; oxanav2005@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Oxana A. Voloshina — PhD, Associate Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor, Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University, China, Shenzhen; Associate Professor at the Institute of Linguistics, RSUH (Russian State University for the Humanities); oxanav2005@mail.ru